

СВОДНЫЕ КАРТЫ

*

Карта № 1

Т.И. Вендина, Л.Э. Калнынь

ФОНЕТИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСЫ *ε В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Карта* показывает дифференциацию славянских диалектов в зависимости от фонетического качества континуантов *ε.

Принимаются во внимание лишь результаты фонетического развития и отводятся от картографирования факты, вызванные действием морфологической аналогии, а также лексикализованные. При выборе объекта картографирования учитывается фактор частотности континуанта — в некоторых, но не во всех, случаях низкочастотный континуант отводится от картографирования, что специально оговаривается в комментарии.

В связи с разной позиционной обусловленностью развития *ε выявление фонетических рефлексов *ε в разных диалектах основывается на разном корпусе словоформ. Качество континуантов *ε в современных диалектах может быть обусловлено отношением к ударению, артикуляцией соседних согласных. Если эта позиционная обусловленность перекрывает первоначальное качество рефлекса *ε, то такие факты могут отводиться от картографирования. Состав этих фактов определяется отдельно для разных славянских диалектов.

На карте используется система обозначения, подобная той, которая разработана А. Басарой, Г. Здуньской и З. Тополинской для карты «Фонетические рефлексy *ε в современных славянских диалектах»¹, — качество рефлекса *ε передается разными видами заполнения фигуры. Конфигурация знаков варьируется в зависимости от отношения рефлекса *ε к признаку назализованности. Рефлекс, лишенный ринезма, передается кругом, назализованный — прямоугольником. Верхняя часть прямоугольника имеет разную форму в зависимости от того, передает он синхронную на-

зальность, т.е. включенную в артикуляцию гласного (прямоугольник сверху закрыт горизонтальной чертой), или асинхронную, т.е. выделенную в самостоятельный согласный (прямоугольник сверху закрыт полукругом). Долгота гласного передается обводкой по внешней стороне фигуры. Особая рефлексация *ε после шипящих и j в части южнославянских диалектов обозначена маленьким квадратом или треугольником слева от фигуры — мотивировка выбора каждого из этих знаков дается в комментарии при соответствующих диалектах.

В восточнославянских и верхнелуж. диалектах констатируется вторичное изменение рефлекса *ε в соседстве с палатализованными согласными. Если вторичный континуант *ε варьируется с исходным рефлексом в одной позиции, то это отражается в вертикальном расположении по-разному залитых частей круга. Если вторичный континуант и исходный рефлекс позиционно разграничены, то это передается горизонтальным расположением по-разному залитых частей круга.

Констатируя рефлекс *ε, карта не дает информации о том, как он относится к гипотетически реконструируемому качеству неназальной части артикуляции *ε в прасл. (совпадает, уже, шире). Относительно исходного качества *ε в науке имеются разные точки зрения. Соответственно каждая из них дает повод для разной квалификации отношения современного рефлекса *ε к его исходному качеству.

Южнославянские диалекты

пп. 1—12, 146—149² (с.л.)

Картографируются рефлексy *ε в слоге под ударением, в том числе и под вторичным (передвинутым), — именно под ударением представлены как долгие, так и краткие континуанты *ε. В безударных слогах континуанты *ε подверглись изменениям, перекрывшим их первоначальное качество и свойственным вообще безударным гласным; без ударения отсутствуют долгие гласные. Оппозиция по вокальному количеству имеется не во всех говорах. Отсутствуют под ударением: в пп. 1, 3 — долгие гласные, в пп. 4, 5, 11 — краткие. В пп. 10, 12 в связи со спецификой распределения вокального количества в слоговом кон-

*В составлении карты принимала участие Т.В. Попова.

¹Basara A., Topolińska Z., Zdunjska H. Fonetyczne refleksy *ε we wspólczesnych dialektach słowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych, seria VI, 1983. S. 25; Basara A., Zdunjska G., Topolińska Z. Фонетические рефлексy *ε в позиции максимальной дифференциации. ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1: Рефлексy *ε. Белгр. 1988. С. 150.

²При определении рефлексов *ε в этих пп. и далее до п. 113а используем информацию, содержащуюся в кн.: Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

туре слова краткие гласные на месте **ę* под ударением представлены ограниченно — картотека ОЛА дает пример *'məkək* в п. 10 и ни одного примера в п. 12 (так же в цитированных фонологических описаниях).

В пп. 12, 14, 16, 19 дифтонг *ie, ie* картографируется как долгий континуант в соответствии с тем, как это представлено в названных фонологических описаниях.

Поскольку более чем односложные слова могут в разных диалектах иметь разное место ударения, слог с **ę* оказывается то под ударением, то без ударения. Поэтому соответствующие словоформы учитываются при картографировании только в тех случаях, когда они содержат рефлекс **ę* под ударением, — это относится к **męso, *mękьkь, *desętь, *devętь, *tęzьkь*.

Не картографируются континуанты **ę*, отличие которых от доминирующей рефлексии позиционно обусловлено фонетическим контекстом: после *m* в п. 1 (*'miso, 'mijek*), перед гетеросиллабическим *j* в пп. 3 (*'preja*), 13 (*'ze:ja*), 18 (*'zeja*), 147 (*žęl:ja*).

Знак *є* в пп. 12, 17, 18 объединен с *e*; в одном знаке объединены дифтонги *ie, ie, ie, ie*.

nn. 22—88, 146a—148a, 150—153, 168, 169 (сх.)

Рефлексы **ę* могут быть дифференцированы в зависимости от качества согласного, предшествующего **ę* в чакавских говорах. После прасл. шипящих и *j* на месте **ę* выступает гласный более широкий, чем после других согласных. Эту позицию репрезентуют словоформы **žędlo, *žędja, *jęцьту, *jęзыкь, *žęдль (-jь), *(-)jęла, *zajęсь, *žęль*; в этом же ряду можно назвать **jędro* (в «Вопроснике ОЛА» вопрос 248) — материал этого вопроса не картографирован. Из картографируемых словоформ во многих говорах отсутствуют **žęдль (-jь), *(-)jęла*; в **zajęсь* рефлекс **ę* часто лексикализован и, кроме того, нередко современное слово восходит к словообразовательному деривату, не содержащему **ę*. Первые четыре из перечисленных словоформ фиксируются более или менее последовательно. Но **žędlo* во многих пп. вообще является единственным примером с *a* на месте **ę*, т.е. фонетический факт лексикализован и поэтому на карте не учитывается (в том числе и в чакавских говорах). Особую рефлексацию (т.е. *a, q, q*) в словоформах **žędja, *jęцьту, *jęзыкь* (всех, двух или одной), а в п. 43 также в **jęла* в чакавских диалектах обозначаем черным квадратом слева от круга; качество и вокальное количество этого континуанта на карте не фиксируется. Вынесение этого рефлекса за плоскость основной фигуры подчеркивает его узкую позиционную ограниченность в отличие от других говоров, где такой же рефлекс является высокочастотным, а если и ограничен позиционно, то не столь узко.

В большей части пп. рефлексы **ę* картографируются независимо от ударения, так как одинаковые континуанты **ę* повторяются в ударных и безударных слогах. Лишь в тех пп., где в безударном слоге зафиксирован континуант **ę*, отсутствующий под ударением, безударная позиция отводится от картографирования. Это пп. 29 (б/у *e, ə, a, q* — *'dąvet, 'desęt, pa:'ta, pra:'de*), 30 (б/у *e* — *dą:set, 'dąvet*), 31 (б/у *ə, e* — *'dąsęt, 'dąvet, 'peden*), 32 (б/у *e* — *'dąset, 'devet*), 169 (*i'zik*).

Материал словоформы **sędq* (вопрос 1592) может учитываться лишь частично, так как во многих ответах дается форма с корнем *žęd-*.

На карте не учитываются рефлексы, зафиксированные в единичных словах и отличающиеся от доминирующей рефлексии: пп. 22 (*pè:dix, tè:žak*), 26 (*'pe:ta*), 27 (*rjè:d*), 28 (*prą:ja*), 31 (*'pedeń, de've:ti, 'me:ski*), 38 (*pę:*

dal), 73 (*pi:et, 'pejtak*), 146a (*zi:k*), 147a (*mef'ki, pre'dię, žel*), 148a (*dasè:t*), 150 (*jézik, žé:da, jęcam*).

В одном знаке объединены дифтонги *ie, ie, ie, ei, ei*. В п. 147a в цитированных описаниях дифтонг *ie* интерпретируется как долгий гласный; то же в п. 148a, хотя в картотеке ОЛА здесь зафиксированы *ie: (devię:te, tię:žak, svię:ti)* и *ie (piet, rięd, 'mieso, svięt, ziec, 'miegak, 'vięza:y)*.

Согласно названным описаниям знак *є* отождествляется с *e* в п. 153, с *q* в пп. 31, 151; знак *є*: — с *ę*: в п. 150. nn. 90—113a (мак.)

Наиболее частым рефлексом **ę* является *e*. Другая замена **ę* зафиксирована после *j* в пп. 90 (*jozik, jodro, jočmen*), 92 (*jazik*), 94 (*jazik, jačmen, jader*), 96 (*qzik, qder, qčmen*), 97 (*jačmen, jazik*), 99 (*'jazik, 'jadro*), 100, 101 (*'jader, 'jačmen, 'jazik*). Эта рефлексация может отражать специфическое развитие **ę* после палатальных, в том числе и через совпадение **ę* с **q*. Особую рефлексацию **ę* после *j* передаем черным треугольником слева от круга, что указывает на возможность прохождения рефлексии **ę* через стадию совпадения с **q*.

Гласный *a* после *j* в пп. 94, 98, 104 представлен в *zajak*, а в пп. 103, 104 — в *ja'zik*. Эти факты не учитываются, так как вообще картографируются рефлексы **ę* только под ударением, поскольку в некоторых пп. в безударных слогах они могли быть подвергнуты последующим изменениям (так в п. 105 — уд. *e* и б/у *i*; п. 106 — уд. *iq* и б/у *e*). Асинхронная назальность рефлекса **ę* перед взрывными согласными при оральном рефлексе в других позициях зафиксирована в пп. 106—110, 112, 113a. Частота назального рефлекса в этих говорах неодинакова — единичные примеры в пп. 110 (*'endro*), 113a (*pent'*). Фиксируем на карте и эти единичные факты, поскольку они могут расцениваться как свидетельства особого развития **ę* в этих говорах.

В п. 113a не учитывается *a* в **pęta*, так как преобладает в других словоформах *e*.

Западнославянские диалекты

nn. 175—207 (чеш.)

От картографирования отводятся словоформы, репрезентующие единичные отклонения от доминирующей рефлексии **ę*. Это: **zajęсь* — во многих пп. единственная словоформа, содержащая *i* краткий на месте **ę*, при *i*: в других словоформах; в пп. 192, 194 **prędja* с *i* на месте **ę*; в п. 201 **žędlo* — единственное слово, имеющее *ę*: на месте **ę*; в п. 207 польский тип рефлексии **ę*.

Не картографируются позиционные варианты рефлексов **ę*:

y, заменяющий *i (i:)* после переднеязычных в пп. 197, 202, 205, 206; *ej*, развившийся из *y*: (< *i:*), в п. 200 в *žejzeń*; *o* после губных в *potek, vozol* в п. 203.

Со знаком *a* объединен *q* в пп. 198, 199.

nn. 154—156, 208—233 (слц.)

В долгом и кратком слоге **ę* имеет разные рефлексы. Не картографируются континуанты **ę*, зафиксированные в говоре лишь в одной словоформе как отклонение от доминирующей рефлексии **ę*. В п. 155 это — *ie* в **mękьkь (-jь)*, п. 209 — *i*: в **zajęсь*, пп. 210, 213 — *e* в **pętь*, п. 222 — *e* в **pęta*, п. 224 — *a*: в **žędlo*, пп. 228, 231 — *i* в **prędль*, п. 233 — *e* в **sędq*. В пп. 156, 228, 230, 231 рефлекс *ię*, зафиксированный в **pętьkь (piętek)*, обозначается тем же знаком, что и *ie, ie*.

nn. 234—237 (служ.)

В пп. 234, 236 на месте **ę* выступают гласные *ę* и *e*.

Распределение их в названных пп. неодинаково: в п. 234 под ударением варьируются *e* и *ɛ*, без ударения только *e*; в п. 236 под ударением зафиксирован только *ɛ*. Картографируются рефлексы, выступающие под ударением, как наиболее позиционно независимые — в п. 234 это *ɛ* и *e*, в п. 236 — *ɛ*. Отводятся от картографирования: **jeźmy* — имеет нерегулярную замену **ɛ* в виде *a*; в п. 236 **svęty* (-*jb*) — *a* на месте **ɛ* представляет лексикализованную фонетику; в п. 236 — *y* в **de-sejty*, обусловленный позицией после отвердевшего спиранта.

В пп. 235, 237 континуант **ɛ* различен в зависимости от качества последующего согласного — *a* перед твердыми (в том числе и отвердевшими спирантами и аффрикатами), *e* перед палатализованными согласными. На вторичность рефлекса *e* указывает *a* после отвердевшего спиранта перед палатальным согласным в *vezaś* в обоих пп. Картографируются оба континуанта под ударением и без ударения. На связь *a* и *e* с качеством последующего сегмента указывает горизонтальное расположение заполненных частей круга, в отличие от тех говоров, где такой связи нет и заполненные части круга расположены вертикально.

Не картографируются **teŕe*, **sęme*, **vute*, на месте **ɛ* имеющие *o* нефонетического происхождения. В п. 234 со знаком *e* объединен *ɛ* в *m'eso*.

пп. 238—326 (пол.)

Современные рефлексы **ɛ* отражают его разное развитие в старопольских кратком и долгом слогах, при том что в обоих случаях развитие шло через стадию совпадения переднего и непереднего прасл. назальных в одном гласном, для которого принято обозначение *q*: и *q*³. Современные рефлексы отражают дальнейшее развитие *q*: и *q*. При этом рефлексы, продолжающие **ɛ*, следуют после палатализованных/палатальных согласных (в том числе и отвердевших). В п. 258 краткий и долгий слоги в своем развитии не различались.

Главной особенностью рефлексации **ɛ* является сохранение назальности у его континуантов. Наиболее архаической формой рефлексации является синхронно назализованный гласный. Асинхронная назальность, выделенная в самостоятельную консонантную артикуляцию при гласном, отражает более поздний этап рефлексации **ɛ*. Почти постоянной характеристикой современных говоров является синхронная назальность в позиции перед фрикативным согласным, что зафиксировано в подавляющем большинстве пп. Позицию перед фрикативными репрезентуют словоформы **męso*, **tręsety*, **język*, **vezaś*, **teźkь(-jb)*, **veźety*. Перед взрывными и аффрикатами фиксируется как синхронная, так и асинхронная назальность рефлекса **ɛ*. Перед паузой назализованный рефлекс выделяется реже (так в пп. 241, 242, 244, 245, 304 в **vute*), а перед латеральным вообще отсутствует. Как наиболее показательную для фонетического развития **ɛ* и для диалектной дифференциации, картографируем позицию перед взрывными согласными и аффрикатами. Для синхронной и асинхронной назальности используем, как это сказано выше, разные фигуры. В пп. 250, 285, 306, где равно

зафиксированы оба типа назальности, даем две фигуры. В верхней части прямоугольника помещаются нелабиализованные рефлексы, в нижней — лабиализованные. В круге, обозначающем оральный рефлекс, справа помещаются континуанты долгого слога, слева — краткого. Назальный гласный + назальный согласный передается как синхронная назальность, т.е. иерархически более важным считается факт сохранения синхронной назальности.

Вокальное качество рефлексов **ɛ* перед взрывными и аффрикатой, с одной стороны, и перед фрикативными — с другой, обычно совпадает. Если перед фрикативными представлена асинхронная назальность (в старом кратком и долгом слогах или только в одном из них), то над фигурой ставится знак V; если перед фрикативными зафиксирован оральный рефлекс (иногда параллельно с назализованным), то над фигурой ставится +. К отсутствию назальности в п. 251 приравнено выделение назальности в *j* в *čejški*, *męjso*, *jęzik*, *vjozacy*, *vjozje*.

Во многих пп. списки зафиксированных перед взрывными и аффрикатой рефлексов **ɛ* не унифицированы. С одной стороны, выделяются наиболее частые рефлексы, а с другой — отклонения от них, представленные в отдельных словоформах. Отклонение может проявляться в отсутствии ринезма или другом его типе, а также в качестве самого гласного. На карте отражены наиболее частые рефлексы **ɛ*, а единичные факты отведены от картографирования. Не картографируются также факты, считающиеся результатом влияния литературного произношения (это зафиксировано в пп. 250, 256, 260, 277, 284, 293, 302, 309, 311, 319, о чем см. в цит. работах). В п. 253 мало примеров и только с *en* из **ɛ*.

К числу лексикализованных рефлексов относятся:

а) отсутствие назальности в **teźkь(-jb)* в пп. 239, 240, 323, 324.;

б) *in* в пп. 241, 242, 252, 258, 259, 268, 269, 276, 278—280, 287, 291, 301, 302, 310, 315, 322, 323 и *yn* в п. 288, где они произносятся только в числительных 5, 9, 10 (во всех или некоторых);

в) нетипичный рефлекс **ɛ* в **zajęcy* — *uN* (пп. 238, 247, 257, 276, 298, 315, 321, 324), *qN* (252, 263, 287, 291), *qN* (275), *ɥ* (309).

Позиционно обусловлен рефлекс, содержащий гласный *y*, в пп. 251, 254, 255, 270, 281, 321, где он выступает в основном после *š*, *ž* (*ř*), в то время как после палатализованных и палатальных согласных произносятся *i*. Позиционно обусловленные и лексикализованные рефлексы **ɛ* не картографируются. Поэтому в пп. 301, 293 констатируется оральный рефлекс, хотя в п. 301 с *in* произносятся числительные 5, 9, 10, а в п. 293 — числительное 5.

В п. 299 чешский тип рефлексации **ɛ*; не картографируются *pet*, *deset*, *devet*, *česky*, имеющие *e* на месте **ɛ* при *a* во всех других словоформах.

Восточнославянские диалекты

пп. 327—360, 362—373, 374—382, 384—400 (бр.)

Фонетическое развитие **ɛ* отражают рефлексы, представленные под ударением. В безударных слогах первоначальная замена **ɛ* может быть перекрыта более поздними изменениями, общими для безударных гласных неверхнего подъема (диссимилятивное яканье, еканье). Поэтому от картографирования отводятся словоформы, по данным картотеки ОЛА всегда содержащие

³См.: Topolińska Z. Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego". Z. I. Kaszuby, Wielkopolska Śląsk. Wrocław, 1982; Basara A., Basara J. Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego". Z. II. Małopolska. Wrocław, 1983; Zduńska H. Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego". Z. III. Mazowsze. Wrocław, 1984.

рефлекс **ę* в безударном слого. Это — **svęty(-jъ)*, **jęцьму*, **zajęць*, **devęty*, **desęty*, **vęzalb*, **jęзыкъ*, **prędetъ*, **sę-те*, **vumę*. В других, более чем односложных, слово-формах континуанты **ę* учитываются только в тех говорах, где они выступают под ударением.

Во всех диалектах, кроме п. 374, рефлексом **ę* является *a*. В п. 374 на месте **ę* зафиксирован не только *a*, но и *e* (последний в словоформах: **devęty(-jъ)*, **rędb*, **sędq*, **vężety*, **prędb*, **prędja*, **tezъkъ(-jъ)*, **rędb*, **zęty*), являющийся результатом изменения *a* любого происхождения после палатализованных согласных. Хотя этот рефлекс не является первичным, картографируем его, поскольку *a* после палатализованных согласных, а следовательно, и *e* из *a* в подавляющем большинстве случаев восходит к **ę*. Поэтому все, что в п. 374 происходит с *a* из **ę* под ударением, отражает фонетическое развитие рефлекса **ę*. Кроме того, в морфемах с **ę* вообще нельзя обнаружить позиционную зависимость изменения *a* > *e* — рефлексу **ę* предшествовали только палатализованные согласные, а позиции после твердого для **ę* не было. Вертикальная заливка частей круга, соответствующих *e* и *a*, указывает на позиционную недифференцированность этих рефлексов.

Не картографируются:

1) назализованный рефлекс **ę* в 'žandla, 'žandlo, 'm'ensa в п. 337, 'p'ontak в пп. 331, 357, где он является результатом инодиалектного влияния;

2) гласный *o* в *проц*, *жоц* в п. 344, где он, вероятно, обусловлен влиянием последующего губного спиранта. пп. 361, 373, 383, 401—524, 843, 847, 849 (укр.)

Характерный для восточнославянских диалектов рефлекс **ę* в виде *a* в части укр. говоров подвергся сужению, что отражено в произношении *e*, *e*, *o*, *y*, *q* на месте **ę*. Результаты этого изменения могут быть дифференцированы относительно ударения. В одних говорах «не *a*» на месте **ę* представлен под ударением и без ударения, а в других — только без ударения (последнее в пп. 361, 373, 383, 408, 410, 413, 415, 416, 419, 423, 425—427, 432, 435—444, 446—449, 474, 475, 481, 489, 490, 493, 495, 498—500, 506—508, 513, 516, 522, 843). Но и во многих говорах, репрезентующих «не *a*» на месте **ę* независимо от ударения, в безударных слогах выступают более узкие, чем под ударением, континуанты **ę*. Так, *e* под ударением и *i*, *o*, *y* без ударения (иногда наряду с безударными *e*) зафиксированы в пп. 402, 403, 406, 407, 412, 414, 420, 421, 428, 429, 431, 450, 451, 471, 472, 480, 486—488, 496, 497. Ни в одном из пп. сужение *a* из **ę* не проведено настолько последовательно, чтобы полностью исключить *a* на месте **ę* — словоформы с *a* < **ę* зафиксированы во всех пп. Картографируются рефлексy **ę* под ударением. Поэтому на карте не учитываются словоформы, всегда по данным картотеки ОЛА содержащие рефлексy **ę* без ударения: **devęty*, **desęty*, **svęty(-jъ)*, **jęзыкъ*, **jęцьму*, **zajęць*, **prędetъ*, **vęzalb*.

В других, более чем односложных, словах, имеющих в разных говорах неодинаковое место ударения, картографируются только рефлексy **ę* под ударением. Хотя континуант «не *a*» не является первичным, картографируем его по тем же мотивам, которые изложены выше для п. 374. На позиционную недифференцированность *a* и «не *a*» на месте **ę* указывает вертикальная заливка круга.

Не картографируется:

**zędlo*, во многих пп. репрезентующее лексикализованную замену **ę*; *i* в **rędb* при *a*, *e* в других слово-

формах в пп. 430, 451; *e*, единственный раз зафиксированный в **ręty* в п. 480; *a* в **rędb* — в п. 519. В одном знаке объединены *o* и *y*.

пп. 525—842, 844—846, 848 (рус.)

Фонетическое развитие **ę* отражают рефлексy в слоге под ударением. В безударных слогах начальный рефлекс может быть перекрыт поздними изменениями, общими для гласных неверхнего подъема (диссимилятивное яканье, еканье, иканье) или характерными только для *a* (изменение *a* в безударном слоге после палатализованных согласных). Поэтому на карте не учитываются словоформы, всегда имеющие, по данным картотеки ОЛА, рефлексy **ę* в безударном слоге. Это — **jęцьму*, **jęзыкъ*, **sęме*, **vumę*, **devęty*, **desęty*, **zajęць*, **svęty(-jъ)*, **vęzalb*, **tręsetъ*, **jastrębъ*.

В большей части пп. под ударением выступает *a* из **ę* независимо от качества последующего согласного. Но в некоторых пп. представлены результаты изменения *a* любого происхождения в *e* между палатализованными согласными. Хотя в этой позиции континуант **ę* не является первичным, картографируем его по тем же мотивам, которые изложены выше для п. 374. Позиционная дифференцированность *a* и *e* на месте **ę* в зависимости от качества последующего согласного отражена в горизонтальной заливке круга.

В пп. 531, 598, 662, 668, 670, 691, 702, 756 приведены записи не только с *a*, но и с *q* на месте **ę* ('*d'q't'el*, '*v'q'n'et*, '*v'qžet*, '*m'qso*). Объединяем в этих случаях *q* с *a*.

Не учитывается *e* в '*s'edu*, '*pr'ež*, '*p'etn'ica*, где он появился по аналогии с формами, имеющими *e* между мягкими согласными, а также в результате влияния безударного слога на ударный при еканье. То же относится к '*m'ęso*, где ударный гласный по аналогии с '*m'es'e*.

Карта № 2

П. Ивич, Т.-Логар

ВЛИЯНИЕ ВОКАЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВА НА РЕФЛЕКСY **ę*

Вокальное количество влияло на развитие **ę* в слн., сх., чеш., слцк., пол. Остальные славянские диалекты не обнаруживают различия между рефлексами **ę* в зависимости от количества.

Вокальное количество влияло на развитие **ę* 1) непосредственно, когда **ę*: и **ę* прямо давали разные рефлексy, и 2) опосредствованно, когда дифференцированное отношение к вокальному количеству накладывалось не на **ę*, а на результаты совпадения **ę* с другими гласными. Этому различию на карте соответствует модификация знаков: прямое развитие **ę* в зависимости от количества обозначается полностью или частично залитыми фигурами; опосредствованное влияние количества на развитие **ę* передается контурными фигурами.

Прямая дифференциация рефлексов **ę* в зависимости от количества имеет место в случаях, когда:

1) при сохранении фонологической индивидуальности рефлекса **ę* независимо от количества, качество рефлексов краткого и долгого **ę* неодинаково (при этом надо иметь в виду, что фонологическая индивидуальность рефлекса **ę* не значит сохранение назаль-

ности; достаточно, что оральный рефлекс *ɛ не совпал ни с одним из других гласных);

2) фонологическую индивидуальность сохраняет рефлекс или долгого или краткого гласного, в то время как его оппонент по количеству сливается с другим прасл. гласным;

3) фонологическая индивидуальность рефлекса *ɛ утрачена независимо от его вокального количества, но рефлексы долгого и краткого *ɛ неодинаковы, т.е. совпали с разными прасл. гласными.

Вторичная дифференциация рефлекса *ɛ в зависимости от вокального количества основана на пяти типах совпадения *ɛ с другими прасл. гласными:

- а) *ɛ совпал с *e;
- б) *ɛ совпал с *ъ = *ь;
- в) *ɛ совпал с *e и с *ъ = *ь;
- г) *ɛ совпал с *a;
- д) *ɛ совпал с *q, причем в большинстве позиций первоначальное присутствие *ɛ подтверждается палатализацией предшествующего согласного.

Дальнейшее развитие каждый раз было общим для *ɛ и для гласного или гласных, с которыми *ɛ совпал.

Ситуация а) обозначена на карте кругом или овалом; ситуация б) — четырехугольником, поставленным на угол; ситуация в) — четырехугольником с кругом внутри; ситуация г) — четырехугольником, поставленным на одну из сторон; ситуация д) — ромбом с двумя горизонтальными линиями внутри.

Сосредоточив внимание на существенных отношениях, карта оставляет в стороне такие детали рефлексации, как особое развитие долгого или краткого *ɛ в соседстве с отдельными согласными или в отдельных словах. Не приняты во внимание небольшие различия в качестве e: и e как рефлексов *ɛ и одновременно какого-то другого гласного (или каких-то других гласных). Обычно в таких случаях e: более закрыт, чем e, а иногда доходит и до дифтонгизации e: → ie и др. Однако, когда отношения между e: и e или ie и e имеют фонологическое значение, считаем, что долгий и краткий рефлекс различны. Так, *ɛ: (и *e:) в п. 14 дал ie, а *ɛ (и *e) — монофтонг e. Это различие фонологически релевантно, потому что в говоре существует и e: другого происхождения, функционирующий как долгий оппонент краткому e. В п. 20 *ɛ: (и *e:, *ъ: = *ь:) → ɛ:, а соответствующие краткие дали e, который в фонологической системе не является кратким оппонентом гласному ɛ:, поскольку в говоре существует и краткий ɛ.

Мы не стремились исчерпать все случаи объединения рефлекса *ɛ с другими гласными. Приняты во внимание только те факты, когда *ɛ хотя бы в одном пункте объединился с определенным гласным без одновременного слияния с каким-нибудь другим (понятно, что *ъ и *ь на западе южнославянской территории считаются одним гласным). Это означает, например, что слияние с *ɛ специально не рассматривалось, так как *ɛ нигде не объединялся с *ɛ без одновременного слияния с *e.

Природа фонетического различия между рефлексами долгого и краткого *ɛ определяется с точки зрения их сравнительной закрытости, для чего используется следующая система знаков.

Отношение, при котором рефлекс *ɛ: более открыт, чем рефлекс *ɛ, обозначено вертикально поставленным знаком.

Другое решение принято для территории польского языка. Здесь положение ромба указывает на отноше-

ние между рефлексами долгих и кратких *ɛ и *q. Рефлексом долгих носовых всегда является задний лабиализованный гласный, а рефлексом кратких — передний нелабиализованный, реже a. Если рефлекс долгих носовых гласных более закрыт, чем рефлекс кратких (например, u в сравнении с e), то ромб поставлен на правую верхнюю сторону. Если отношение обратное (например, o в сравнении с i), то ромб поставлен на правую нижнюю сторону. Если оба рефлекса имеют одинаковый уровень закрытости (например, o в сравнении с e), то ромб поставлен на правый угол. Напоминаем, что во многих говорах на качество рефлекса *ɛ влияет следующий согласный. В целях унифицированности информации, на карте рассматривается положение перед смычными согласными. Анализ большого и сложного материала из польских говоров сделала проф. З. Тополинська. Мы за это ей сердечно благодарны.

Дифтонгическая природа рефлекса *ɛ обозначена горизонтально поставленной фигурой.

В большинстве словацких пунктов рефлексом *ɛ: является ia. Если в этих же говорах и *a: после некоторых согласных перешел в ia, на карте это не квалифицируется как слияние *ɛ: и *a:, поскольку *ɛ: дал ia и после остальных согласных.

Если в словацких пунктах в качестве рефлекса краткого *ɛ дается a(e), это означает "e после губных согласных, a — в других позициях". Соответственно a(q) на словацкой территории означает "q после губных согласных, a — в других позициях".

Обозначению e(a) для рефлекса *ɛ в восточнословацких говорах соответствует "a после палатальных согласных, e — в других позициях".

Конечно, отдельные лексические отклонения здесь не рассматриваются.

Карты № 3, 4

Б. Видоески, З. Тополинська

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РЕФЛЕКСОВ *ɛ:/ɛ

Нами составлены две карты. Одна из них показывает статус рефлексов краткого *ɛ на всей территории ОЛА. Другая карта, посвященная статусу рефлексов долгого *ɛ:, охватывает только ту территорию, на которой а) и в настоящее время существует различие гласных по длительности или б) имеются другие следы старых количественных различий.

Обе карты имеют согласованную легенду, снабжены общим комментарием, и поэтому они должны рассматриваться вместе. Цель карт — показать, где рефлексы *ɛ: и *ɛ до настоящего времени представляют собою самостоятельные функциональные единицы, хотя и с ограниченной частотой и/или дистрибуцией, а где совпали с другими единицами и с какими.

Имеем в виду только первое, т.е. наиболее старое совпадение *ɛ: и *ɛ с одной фонемой или рядом фонем, а не последующее развитие фонем, с которыми объединились *ɛ: и *ɛ.

Особый случай представляет собою объединение *ɛ: и *ɛ с прасл. единицами, которые на большей части славянской территории не сохранились в современных

системах. Это — *q, *q:, *ž, *ž:, *ʒ, *ʒ. Здесь возможны две ситуации:

а) континуанты *e/e:, совпав с континуантами *q/q: или *ž/ž:, или *ʒ, или *ʒ, сохраняются до настоящего времени как самостоятельные единицы — ср. луж. /e/ в п. 234, возникший из *e ǫ *ž; слн. /e:/ в п. 1, возникший из *e ǫ (*ʒ ǫ *ʒ) и др.;

б) если единица, возникающая из *e/*e: и *q/*q: или *ž/*ž: или *ʒ или *ʒ, позднее утрачивает самостоятельность в пользу другой фонемы, то в этом случае рассматривается и это второе совпадение — ср. слн. /ie/ в п. 2, развившийся из *e ǫ *ž ǫ *e; сх. /e/ в п. 23, развившийся из *e ǫ *ž ǫ (*ʒ ǫ *ʒ) и др.

Поэтому в наших легендах наряду с объединением с одной фонемой предусматривается и объединение с двумя, тремя и даже четырьмя фонемами.

На значительной части территории самостоятельность *e/e:, т.е. различие между ними и фонемами, с которыми они артикуляционно совпали, проявляется только в палатальности и/или палатализованности предшествующего согласного. Особенно интересна в этом отношении польская ситуация — *e/e: и *q/*q:, рано совпав, в настоящее время распознаются только по качеству предшествующего согласного.

На картах не обозначены специальными знаками локальный ряд и вид назальной артикуляции, сохранившейся в современном рефлексе *e/e:. Эта проблематика является предметом рассмотрения на специальной сводной карте в Выпуске 26. На наших картах знак ~ сигнализирует рефлекс типа *Ń* или *Ń̇* или *Ń̇̇*.

В тех системах, где совпадение фонем происходит различно в зависимости от позиции, некоторые из них не указаны на картах, но объясняются ниже в комментарии. При картографировании не учитываются и лексикализованные отступления от регулярного фонологического развития. Что касается морфологизованных отступлений, то флексии вообще отстранены при обработке назальных в ОЛА, а аффиксы при необходимости рассматриваются в комментарии.

Одной из важных позиций, значение которой выходит за границы отдельных языков, является позиция после *j, č, ž, ʒ*. Здесь в некоторых слн., сх., мак., слц. говорах находим особые рефлексy:

— в сх. пп. 24—25, 34, 37, 42—44 и в восточной Словакии в пп. 226—232 выступает рефлекс /a/, а в других пунктах на сх. территории /a/ лексикализован в корне *žed- или, чаще, *žeg-; такое же проявление лексикализации встречаем в слн. пп. 10, 15, 21, 149;

— в мак. пп. 90, 92, 94, 96—97, 99—101 это явление присутствует только после *j*, а в южномак. пп. 112, 113, 113а — лексикализовано после *č, ž, ʒ*.

Другая релевантная позиция определяется отношением гласного к ударению:

— в мак. п. 106 под ударением совпали *e и *ž, а без ударения имеем *e ǫ *ž ǫ (*e ǫ ʒ);

— в укр. пп. 361, 373—374, 383, 410, 423, 425—426, 436—444, 446—447 под ударением на месте *e выступает 'a' без ударения *e*.

Наконец, в центральной Словакии имеет значение для рефлексации *e качество предшествующего согласного — после губных *e*, в других позициях *a*.

На пол. территории в кашубских пп. 241—244 на картах даем двойные знаки, которые показывают, что современное общепольское развитие накладывается здесь на результаты старых кашубских процессов — *e/*e: → *i/i → *i/i: (→ *ə* ~ *i*).

Для всей польской территории релевантна позиция в абсолютном конце слова, а для пп. 242—244, 249—251, 258, 262, 272, 285, 294, 305—306, 317—319, 323 важно и различие между позициями перед смычным или перед фрикативным согласными. На конце слова выступает или чистый вокальный рефлекс или сочетание -*om/ot*, возникшее, вероятно, морфологическим путем. Перед смычными доминирует тип *Ń̇* с гомоганным назальным согласным, а перед спирантами в названных пунктах имеется рефлекс типа *Ń* или *V*. В пп. 251 и 262 перед спирантами выделяется рефлекс типа *Vj*.

Назальная артикуляция сохраняется почти повсеместно в польских пунктах и в одном словенском и ограничено в позиции перед звонкими смычными в нескольких южномак. пунктах. Как лексикализованное явление назальность фиксируется в нескольких других слн. и мак. пунктах. Детальная картина выглядит следующим образом:

— тип *Ń* в пп. 148, 242—245, 249—250, 272, 285, 304—305, 311, 317—319, 323;

— тип *Ń̇* в пп. 112, 242—245, 249—250, 272, 285 и перед звонкими смычными в п. 106 (*čemb'rica, bra'tučent, ugleŋ'dało...*);

— тип *Ń̇̇* в пп. 207, 241, 246, 248, 251, 254—271, 273—284, 286—292, 294—298, 300, 306—310, 312, 314—316, 319—326, перед звонкими смычными в пп. 108, 109 и как лексикализованное явление в пп. 1 (*vin'ci...*), 146 (*napr'enci...*), 96 (*den'telina...*), 107 (*erem'bica, go'vendo*), 110 (*'endro...*), 111 (*'ender...*).

Польская ситуация нуждается еще в одном уточнении. Процесс утраты синхронной вокальной назальности (т.е. типа *Ń*) все еще продолжается, а его начало в позиции перед смычными относится ко времени до утраты фонологического различия между краткими и долгими гласными. Следствием этого являются случаи совпадения как с древнепольскими долгими, так и с новопольскими нейтральными по длительности гласными. В пп. 266, 306, 307 возможна и вторичная замена континуантов *e:Ń* на *eŃ* под влиянием литературной произносительной нормы.

Чтобы не усложнять основные фигурные знаки, на карте, посвященной статусу рефлексов *e, изоглоссой выделена территория *e/e: ǫ *q/q:. На карте, представляющей статус рефлексов *e: та же территория заштрихована.

Карта № 5

С.К. Пожарицкая, Т.В. Попова

ВЛИЯНИЕ КОНСОНАНТНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА РЕФЛЕКСЫ *e

Вопрос о влиянии консонантного контекста на судьбу *e рассматривается на материале 39 слов, восходящих к праформам **jęła*, **jęćшту*, **jęзыкь*, **zajęсь*, **čęła*, **žędło*, **žędja*, **žędънь(-jъ)*, **vędnetъ*, **vęžetъ*, **vęzalbъ*, **svętъ(-jъ)*, **devętъ*, **devętъ(-jъ)*, **sęme*, **vymę*, **mękьkь(-jъ)*, **męso*, **pędъ*, **pęta*, **pętъ*, **pętъ(-jъ)*, **pętъnica/pętьkь*, **pęstъ*, **stęgnqтъ(-jъ)*, **tęžьkь(-jъ)*, **dęteljъ*, **desętъ*, **sędq*, **zętъ*, **prędla*, **prędetъ*, **prędja*, **rędъ*, **gręda*, **tręsetъ*, **jastrębъ/бъ*, **tele*, **teleta*.

Решение о наличии такого влияния принималось в

том случае, если разную рефлексацию **ɛ* в говоре того или иного населенного пункта удавалось соотнести с определенными типами предшествующих либо последующих согласных. Отсутствие влияния констатировалось при условии, что в говоре: а) **ɛ* дал один и тот же рефлекс во всех (или почти во всех) рассмотренных словоформах; б) разнообразие рефлексов **ɛ* соотносилось не с качеством консонантного окружения, а с другими позиционными факторами (ударностью—безударностью, долготой—краткостью слога); в) рефлекс **ɛ* в разных словах не удавалось сопоставить с определенными позиционными условиями.

Максимальный набор позиций, которые могут оказаться релевантными в связи с проблемой влияния консонантного окружения на рефлексацию **ɛ* в каком-либо славянском диалекте, может быть представлен следующим образом:

I. Предшествующий согласный:

- 1) небный [*j, *č, *ž]
- 2) губной [*p, *v, *m]
- 3) переднеязычный зубной [*l, *t, *d, *s, *z] и [*r]

II. Последующий согласный:

- 1) смычный твердый [*t, *d, *k, *g, *b]
- 2) смычный мягкий [*t', *d', *c']
- 3) фрикативный (твердый или мягкий) [*s, *z, *s', *z', *ž]
- 4) [*l]

III. Положение перед паузой (#).

Роль мягких согласных могут выполнять согласные в сочетании с последующим **j* и перед прасл. гласными переднего ряда.

В качестве дополнительных признаков влиянию консонантного окружения сопутствуют, во-первых, место ударения в словоформе по отношению к слогу с **ɛ*, а во-вторых, долгота или краткость слога с **ɛ*.

Карта, ориентированная на выявление зависимости между консонантным окружением и характером замены **ɛ*, должна показать лишь структуру данного явления, а не его конкретное материальное воплощение. Поэтому, в отличие от карт, представляющих судьбу **ɛ* в отдельных словах, настоящая карта не дает информации о произношении отдельного слова в каждом говоре.

Южнославянские диалекты

В этих диалектах при анализе влияния консонантного окружения на рефлексацию **ɛ* целесообразно различать две позиции: 1) после небных согласных **j*, **č*, **ž* и 2) после всех остальных. Кроме того, для говоров пяти мак. пунктов релевантно и качество последующего сегмента.

В словенских говорах не прослеживается ярко выраженное влияние консонантного контекста на рефлексацию **ɛ*. Лишь в некоторых говорах предшествующие небные согласные (**j*, реже **č*, **ž*) оказали влияние на развитие **ɛ*, в результате чего артикуляция гласного понизилась и отодвинулась в более заднюю зону, что дало тип [a, a:] (нас. пп. 1, 3—5, 8, 10, 14, 15, 21, 147, 149). Это явление на карте фиксируется даже в том случае, если гласный типа [a, a:] отмечен хотя бы в одной из восьми словоформ, содержащих континуанты сочетаний **jɛ*, **čɛ*, **žɛ* (**-jɛla*, **jɛčьtu*, **jɛzьkь*, **zajɛсь*, **žɛdja*, **žɛdlo*, **žɛdьнь(-jь)*, **-čɛla*).

В сербскохорватских говорах также можно констатировать влияние предшествующего небного

согласного на рефлексацию **ɛ*, что проявляется в континуанте типа [a] в данной позиции. При этом в разных говорах гласный типа [a] на месте **ɛ* встречается в разных (но не во всех) словоформах и, как правило, не после всех небных, а избирательно: после одного какого-либо согласного и в одной какой-либо словоформе. Это означает, что фонетическое по своей природе явление отразилось в большинстве говоров в качестве фонетической приметы отдельных словоформ. Чаше всего гласный типа [a] находим в **žɛdlo* и **jɛzьkь*; в остальных праформах, содержащих **jɛ*, **čɛ*, **žɛ* гласный [a] отмечен лишь в единичных говорах (см. соответствующие карты на отдельные словоформы).

Значительная часть македонских говоров демонстрирует как будто бы ярко выраженную зависимость рефлексации **ɛ* от наличия предшествующего **j*, проявляющуюся в том, что после него выступает гласный переднего ряда (например, [a, ə, o]), тогда как во всех остальных позициях — передний гласный [e]. Однако для большинства мак. говоров позиция после **j* должна быть отведена от картографирования, поскольку здесь современный гласный не является прямым наследником **ɛ*, будучи континуантом гласного переднего ряда, совпавшего по своим характеристикам с этимологическим **ɛ*.

В пп. 106—109, 112 качество рефлекса **ɛ* зависимо от локального ряда и способа образования последующего согласного. В ударном слоге перед смычным согласным на месте **ɛ* произойдет сочетание гласного с носовым сонантом. Качество сонанта связано с локальным рядом следующего согласного: перед губным это VM, перед зубным и заднебным — VN. Перед фрикативным согласным представлен оральный гласный q.

Сочетание VN в п. 110 зафиксировано только в 'end-ro, в пп. 111 — в 'enza, 'endər при [e] во всех других случаях.

Западнославянские диалекты

Компактную группу с ринезмом образуют польские диалекты. Наличие/отсутствие ринезма и его характер связаны только с влиянием последующего консонантного сегмента — способом его образования и твердостью—мягкостью.

При интерпретации польского ринезма мы отвлекаемся от тембрального качества вокальной части замены носового гласного (см. сводную карту № 1 в этом выпуске), рассматривая только следующие противопоставления:

- 1) монофонемный (V) или бифонемный (V+N) рефлекс;
- 2) назализованный (Ŷ) или оральный (V) гласный в монофонемном рефлексе;
- 3) твердый или мягкий согласный в бифонемном рефлексе.

Эти типы ринезма обнаруживают следующую связь с консонантным окружением и паузой:

- 1) перед [l] и перед паузой (#) — V (**-jɛla*, **-čɛla*, **te-lɛ*, **sɛmɛ*, **vymɛ*);
- 2) перед твердым смычным согласным — VN, VN' (**jɛčьtu*, **žɛdlo*, **prɛdla*, **vɛdnetь*, **rɛdь*, **grɛda*, **stɛg-nqь(-jь)*, **teletь*, **peɛta*, **peɛь(-jь)*, **mɛkьkь(-jь)*, **sɛdq*, **jastreɛь*, **zajɛсь*, **žɛdьнь*);
- 3) перед мягким смычным согласным — VN', VN' (**peɛь*, **deveɛь*, **desɛь*, **peɛь*, **prɛdetь*, **dɛteljь*, **zɛɛь*);
- 4) перед фрикативным согласным — Ŷ (**jɛzьkь*,

*vęzalb, *męso, *pęstb, *tręsetb, *vęžetb, *tęžbkb(-jb), *prędja, *žędja).

В остальных западнославянских диалектах *ę имеет оральный рефлекс.

В чешских диалектах зависимость рефлекса *ę от твердости—мягкости последующего согласного комбинируется с зависимостью от долготы или краткости слога: перед твердыми согласными — гласные переднего ряда [a:, a:] в долгом слоге и [a] в кратком; перед мягкими — гласные переднего ряда [i:, i, y, e] в долгом слоге и [e, ę] в кратком.

Эти позиции следующим образом представлены в нашем материале:

1) перед твердыми в долгом слоге — *pętb(-jb), *devętb(-jb), *pętbnica, *vęzalb, *jastrejb/-bb;

2) перед твердыми и перед паузой в кратком слоге — *jęla, *jęzубь, *tele, *svętb(-jb), *čęla, *vędnetb, *stęgnętb, *rędb, *gręda, *pęta, *teleta, *męso;

3) перед мягкими в долгом слоге — *žędja, *pędb, *prędja, *zajęsb;

4) перед мягкими в кратком слоге — *jęsbму, *prędetb, *zętb, *pętb, *devętb, *desętb, *pęstb, *tręsetb, *tęžbkb(-jb).

В словацких говорах очень пестрая картина рефлексии *ę является результатом взаимодействия ряда позиционных факторов, среди которых далеко не последнюю роль играет фактор консонантного окружения. Другой важный фактор — долгота или краткость слога.

В восточнословацких говорах прослеживается одновременно влияние предшествующего (губного) и последующего (мягкого) согласного — явление, нигде больше не наблюдаемое.

Влияние предшествующего согласного в комбинации с фактором долготы или краткости слога проявляется в том, что после губных в кратком слоге произносится передний гласный [e], а после губных в долгом слоге и после язычных согласных — гласный переднего ряда [a:] (в долгом слоге), [a] (в кратком); если картина не осложняется влиянием последующего мягкого согласного, также дающим [e].

Для словацких говоров можно также предположить влияние предшествующих небных согласных [*j, *č, *ž], которое проявляется в произношении после них гласного переднего ряда [a, a:]. Этот вывод аргументируется континуантами праформ *jęsbму, *zajęsb, которые во всех говорах, где перед мягким должен быть [e], произносятся с [a, a:].

Роль следующего после *ę сегмента, которую мы условно назвали влиянием мягкого согласного, заключается в том, что перед ним произносится [e], тогда как перед твердым согласным будет [a, a:].

В ряде словоформ совмещаются оба позиционных фактора, т.е. рефлекс *ę находится одновременно после губного и перед мягким согласным в кратком слоге; такие слова не могли быть использованы для принятия решения о влиянии того или другого фактора.

Решение о влиянии предшествующего губного согласного в кратком слоге принималось на основе континуантов словоформ *pęta, *svętb(-jb), *męso. В двух из них (*pęta, *męso) регулярно представлен [e] в нас. пп. 212, 215, 218—224, 226—232; в *svętb(-jb) [e] встретился только в пп. 212, 220, 223.

Для решения вопроса о влиянии последующего мягкого согласного использовались словоформы *prędja, *prędetb, *zętb, *desętb, *mękbkb(-jb), *tręsetb, *tęžbkb(-jb).

В них на месте *ę находим в одних говорах [e], в других — [a, a:].

В серболужицких диалектах только в п. 235 прослеживается зависимость рефлексии *ę от твердости—мягкости последующего согласного: [e, ę, ę] перед мягким, [a] перед твердым. В других сл. пунктах консонантное окружение не влияет на рефлексы *ę.

Восточнославянские диалекты

Материал украинских говоров в основной своей части не дает возможности соотнести качество рефлексов *ę с различиями в его консонантном окружении. Лишь для юго-западных говоров на основании ограниченного материала, представляющего позицию после *j в континуантах *jęla, *jęsbму, *jęзубь, можно предположить влияние предшествующего [j], результатом которого является [a] на месте *ę при регулярном [e] в других позициях. В отличие от словацкого и отчасти южнославянского ареалов, где таким воздействием обладали также и [č, ž], в украинских говорах это касается только [j].

В русских говорах обнаруживается двойная зависимость рефлексов *ę от позиционных условий: от акцентного контура слова (в рамках белорусско-южнорусской редукции гласных) и от твердости—мягкости последующего согласного.

Первый тип зависимости мы не рассматриваем. Что касается второго типа, то он прослеживается на материале тех говоров, в которых имеется чередование t'at:t'et'. Поскольку это оказывают севернорусские говоры, то мог быть привлечен и материал 1-го предупредного слога, если в нем есть то же чередование гласных. Но эта позиция плохо аргументируется материалом ОЛА — первый предупредный слог демонстрируют только три словоформы *jęsbму, *prędetb, *tręsetb.

В белорусских говорах не прослеживается зависимость качества рефлекса *ę от соседних согласных.

* * *

Анализ связи рефлексии *ę с консонантным окружением позволяет сделать следующие выводы.

Развитие гласного *ę в масштабах славянского диалектного континуума в значительной мере определялось двумя главными тенденциями, а именно: а) регрессивным ассимилятивным воздействием следующего за *ę мягкого согласного и б) прогрессивным диссимилятивным влиянием предшествующих небных согласных. Сфера действия указанных тенденций далеко не одинакова по масштабам. Влияние последующего мягкого согласного, ведущего к повышению тоновой характеристики гласного, имеет довольно широкое распространение, хотя ареалы его "разорваны" (почти все западнославянские, северо-восточнорусские диалекты). Прогрессивное же воздействие небных согласных, предшествующих рефлексу *ę, которое проявляется в понижении тоновой характеристики гласного, охватывает значительно меньшую, но более компактную территорию (словацкие, западноукраинские, некоторые южнославянские диалекты). В говорах восточной Словоки совмещаются обе тенденции.

Влияние предшествующего губного согласного не выходит за пределы словацких диалектов, являясь частной закономерностью одного славянского языка.

По принципу соотношения рефлексии *ę и консонантного окружения выделяется четыре типа диалектов:

1) диалекты с наличием результатов регрессивного воздействия мягкого согласного на предшествующий рефлекс *ε;

2) диалекты с наличием результатов прогрессивного воздействия согласных (небных и губных) на последующий рефлекс *ε;

3) диалекты с наличием результатов регрессивного влияния согласных, разных по способу образования (польские говоры с ринезмом и некоторые македонские с ринезмом);

4) диалекты с отсутствием следов влияния консонантного окружения на рефлекс *ε.

Комментарий к легенде

1. Объектом картографирования явился факт наличия или отсутствия влияния консонантного окружения на рефлекс *ε независимо от его материального конкретного воплощения.

2. Исходя из возможности влияния как предшествующего, так и последующего согласного, мы приняли для выражения этой ситуации противопоставление

двух фигур: квадрата как символа влияния предшествующего согласного и круга как символа влияния последующего.

3. Применение этих двух знаков на нашей карте имеет следующую особенность. Строго говоря, для каждого пункта следовало бы употреблять две фигуры: круг и квадрат. Но это имело смысл делать только для территории словацких говоров, поскольку только там практически реализуется та и другая возможность в одном и том же говоре. Для остальной территории употреблялся только один знак: круг на территориях, где предполагается возможность влияния последующего согласного и квадрат на территориях, где предполагается влияние предшествующего согласного.

4. Для территории польских говоров, характеризующейся явлениями ринезма со сложной позиционной зависимостью рефлекса *ε, пришлось прибегнуть к усложнению этого способа обозначения.

5. Иногда определенный способ заполнения фигуры (круга или его сектора) распространяется только на часть ее; это означает, что такой способ реализации представлен только в части примеров, иллюстрирующих данную позицию.